

Я родился в ущелье Чегем,
Средь высоких обветренных скал,
Был моей колыбелью Чегем,
Песен горных я много слышал.
Там когда-то смотрели с высот
Круторогие туры на нас.
Мать, бывало, мне песню поет —
Смотрят строгие туры на нас.
Там и в школу я бегал зимой,
Буквы первые стал разбирать,
Там, в метель возвращаясь домой,
Имя «Ленин» вписал я в тетрадь.
С пионерами в день Октября
Там я пел «Интернационал»,
Жаждой грозного «боя» горя,
Там на палке верхом я скакал.
Через час начинается бой.
Мать, я вижу твой ласковый взгляд,
Ты глядишь на меня, ты со мной,
Вот морщины твой лоб бороздят...
Черноглазая смуглая мать,
В час, когда я, быть может, умру,
Любо имя твое повторять —
В нем я силу для битвы беру.
Мать, сейчас начинается бой,
Свищут пули, сверкают штыки,
И швыряются пушки землей,
Поднимая ее, как быки.
Коль сразит меня эта гроза,
Будет белобородый певец,
Прикрывая сухие глаза,
Петь о том, как сражался боец.
И в мерцании звездных ночей
Тот же ветер над горной грядой,
Что играл темной прядью моей,
Станет белой играть бородой.
Будет песня по свету кружить,
По ущельям, аулам, домам,
С чабанами подолгу дружить
И на свадьбах звенеть женихам.
Рыжим скалам полюбится песнь,
Всем скитальцам, сердцам храбрецов,
Перевалам полюбится песнь,
Матерям, потерявшим сынов.

Сакли имя мое обойдет,
Станет песнею бранный мой труд,
И услышит в ней горный народ
То, что про Гапалау¹ поют.
Косы черные, мать, распусти,
Шаль на плечи накинь, не тужи,
Слушай песню, не плачь, не грусти,
«Я взрастила Кайсына, скажи.
Быть свободным, как горный орел,
Научила я сына-певца,
Мной вскормленный, он смелость обрел,
Был он горным орлом до конца».

1941

Гапалау — герой горской народной песни.